

А. Н. Веселовский

Старинный театр в Европе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Старинный театр в Европе / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 418 с.

ISBN 978-5-518-10492-1

ISBN 978-5-518-10492-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дованій уже даетъ возможность общихъ выводовъ и уложенія хода развитія драмы въ болѣе или менѣе стройное цѣлое.—Но, если такъ молода еще литература этого предмета на Западѣ, то въ Россіи она едва лишь начинаетъ слагаться и, покидая басенный, анекдотическій характеръ, прислушивается къ серьезнымъ требованіямъ науки. Выписки изъ Разрядныхъ книгъ о прибытіи первой цѣмецкой труппы въ Москву, устарѣлый разсказъ о шуткѣ антрепренера Манна надъ Петромъ, разсказъ вымышленный и не русскаго происхожденія, наконецъ нѣсколько заимствованій у Штелина,—вотъ приблизительно очеркъ содержанія многочисленныхъ и слѣпо другъ друга повторявшихъ статей о началѣ русскаго театра, появлявшихся отъ времени до времени въ русскіихъ литературныхъ журналахъ. Статья г. Пекарскаго *Мистеріи и старинный театр въ Россіи* (*) суждено было быть первымъ опытомъ applicаціи новѣйшаго сравнительнаго метода къ разработкѣ исторіи стариннаго русскаго театра. И эта статья, вошедшая съ значительными измѣненіями въ составъ библиографическаго труда того-же автора *Наука и Литература при Петрѣ*, составляетъ пока выѣтъ съ очеркомъ начала театра, г. Тихонравова (**), все существующее въ литературѣ этого предмета. Но и въ этой области замѣтенъ прогрессъ, хотя слабый, но постепенно расширяющій кругозоръ изслѣдователя; открыты недавно комедіи талантливаго Довгалева (***) въ связи съ вертепной піасой, издавннй Маркевичемъ, представляють уже въ рельефныхъ чертахъ начало народнаго

(*) Современникъ 1857 года.

(**) Изтоища русской литер. и древн. Книга 5.

(***) Труды нѣвской духовн. академіи 1885 года.

IV

украинскаго театра; отдѣльные факты и мелкія подробности, касающіяся ранняго періода театральныхъ зрѣлищъ на Сѣверѣ Россіи, объясняютъ многое, казавшееся гадательнымъ и неяснымъ. Отсюда очевидна необходимость новаго свода состоявшихся по сю пору наблюденій и открытій; таковой сводъ послужитъ въ будущемъ значительнымъ подспорьемъ изслѣдователю; настолько уже будетъ пройдено утомительнаго пути. Выводы, возможные въ настоящее время, не могутъ считаться окончательными или неподлежащими отиѣнѣ: будущее сулитъ и въ этой области, какъ и въ другихъ отрасляхъ литературы, новыя, еще невѣданные факты, которые, быть можетъ, прольютъ новый свѣтъ на добытое наукой достояніе и приведутъ ее къ пересозданію ея прежнихъ аксіомъ. Непредугадываемая грядущаго, казалось намъ, не лишентъ былъ-бы своей пользы очеркъ современнаго положенія литературы описываемаго предмета, очеркъ ея *status quo*; намъ казалось, что подобныя временныя, періодическія приостановки и обзорѣнія вокругъ себя могутъ быть не лишними для успѣха самой работы. Мы старались сгруппировать наиболѣе крупныя факты; принятая форма очерковъ объясняетъ эту невольную разборчивость.

Такова цѣль и назначеніе нижеслѣдующихъ очерковъ. Первый изъ нихъ представляетъ обзоръ судебъ театра въ германо-латинскомъ мірѣ до той поры, когда театръ этотъ возымѣлъ вліяніе на младенствующее русское драматическое искусство. Связь эта служитъ естественнымъ переходомъ ко очерку, посвященному начальному періоду исторіи русскаго театра, первымъ годамъ его существованія въ связи съ театромъ родственныхъ славянскихъ племенъ. Въ заключеніе мы представили очеркъ духовно-народныхъ пред-

стаменій, сохранившихся до нашего времени въ немногихъ мѣстностяхъ Руси, Славянства и германо-латинскаго Запада; рассказъ о давно-прошедшихъ и, казалось, забытыхъ чертахъ минувшаго естественно было закончить указаніемъ на немногіе ихъ отголоски въ настоящемъ, на слабый ихъ отблескъ, который постепенно меркнетъ и блѣднѣетъ среди новой жизни, новой цивилизаціи.

I.

Дрихлѣя и разрушаясь, доживалъ Римъ свои послѣдніе годы; немала слава его оружія, слабѣла государственная сила, сновывавшая ирѣпливъ цементомъ разнородныя племенные стихіи, разсѣянныя на необъятномъ пространствѣ имперіи, блѣднѣло и сжумивалось развитіе литературы и, грубѣя, низко падала нѣкогда шумная и блестящая общественная жизнь. Не Плавтъ и Теренцій давали содержаніе любимымъ ирѣлищамъ Римлянина; толпы веселыхъ, разгульныхъ и неудержимо-диическихкихъ мимовъ, гистріоновъ, свомороховъ, представленія маріонетокъ вативля собомъ въ глазахъ толпы даже прелесть и привлекательность любимыхъ ея старыхъ Ателланъ, почти выгладили изъ народной памяти наслѣдственные типы толстаго, неулыбчаго Виссо, болтуна Рарригъ, шутоватаго Догвепия.—Чисто народное начало своморошества, — образованіе цѣлой массы служителей древнѣйшихъ религіозныхъ обрядовъ народа, стихійныхъ празднествъ, торжествъ брачнаго союза, тривны, которые съ паденіемъ первоначально-чистой и нуритански-строгой обрядности превращаются въ бродячихъ увеселителей народа, — это начало получило преобладаніе надъ литературной стихіей и возбудило противъ нея борьбу всѣхъ исконныхъ, тавшихся въ цивилизованномъ обществѣ, началъ древняго, первообытно-миеологическаго быта.

Пиладъ и Батилъ, знаменатѣльнѣе римскіе мимы, были предметомъ фанатическаго культа; Перонъ и Каллигула въ безумныя минуты стремились подражать сладострастнымъ, циническимъ тѣлодвиженіямъ мимовъ; маріонетти, образцы которыхъ дошли до насъ во многихъ римскихъ саркофагахъ, являлись на торжественныхъ пирахъ и празднествахъ лучшимъ и популярнѣшимъ завершеніемъ ихъ. Религіозныя процессіи, таинства мистическаго богослуженія, народныя обряды, полныя драматической жизни, развивали и поддерживали въ массѣ издавна и рѣзкими чертами сдѣлавшееся расположеніе къ театральному, эрѣвационному началу. Упадокъ государственнаго строя и слѣды, разладъ въ общественной жизни отражались лишь на упадкѣ уровня эрѣваци, но не на числѣ и распространенности ихъ, и долго еще, въ чуждую галльскую среду, среди наплыва христіанскихъ идей, доносилась слава римскихъ мимовъ и трагиковъ прежняго времени; Аполлиарій Сидоній и современныя ему писатели съ презрѣніемъ упоминаютъ о театрѣ ихъ времени, на которомъ царило шутовство гистрионовъ, соблазнительныя пѣсни женщинъ, сопровождаемыя звуками тлипановъ и гусель, игры превращающія сцену въ арену цирка или виробитическихъ представлений; гдѣ наконецъ, на утѣху жадной до эрѣваци толпы, изображались разнузданныя, свирѣпыя страсти или сладостный, открытый развратъ. Страсть къ такому театру неудержимо увлекала за собой толпу, заставляла ее забывать даже крушительныя событія гражданской ея жизни, общественныя скорби и бѣдствія. «Подъ стѣнами Цирты и Каррагена звучить оружіе варваровъ», пишетъ Сальвианъ, современникъ Сидонія, «а народъ безумствуетъ въ циркѣ, разспрашиваетъ въ театрахъ Въ городѣ и за стѣнами слышатся въ одинъ гулъ крики битвы и рукоплесканія театра, стоны умирающихъ и крики бѣснующихся.» Вспоминая, какъ жители Трира, по разграбленіи его Франками, умоляли императора возобновить театральныя представленія въ ихъ городѣ, Сальвианъ

прибавляетъ: «для кого, для каковаго города и какихъ гражданъ, требуютъ они театра и цирка? Для выжженного и опустошеннаго города, для гражданъ, которые или перебиты или носятъ трауръ по погибшимъ. Хотятъ публичныхъ увеселеній, я спрошу: гдѣ-же они будутъ даваться? Среди грудъ тѣла, на костяхъ и крови убитыхъ» (*).—Въ Соассонѣ несметныя массы народа стекались въ циркъ короля Хильперика. Римскія Ателланы и мимическія представленія уцѣлѣли въ дренней Франціи до половины IV вѣка и открыто существовали при Лдовигѣ Святѣмъ.

Творенія отцовъ церкви и разновременныя сборныя постановленія также живописуютъ намъ въ яркихъ чертахъ состояніе римскаго театра и характеръ народныхъ обрядовъ, въ періодъ упадка Рима. Изъ за раздраженнаго, полемическаго и безощадно-исключительнаго тона церковныхъ протестовъ, противъ языческихъ увеселеній, предъ нашими глазами возстаютъ они въ правдивомъ своемъ видѣ. Празднества въ честь наступленія весны и пробужденія природы отъ зимняго сна, веселый явль обрядовыхъ игръ въ честь Ванха въ пору сбора винограда, календы, переряживанье мужчинъ въ женскіе костюмы, жещницъ въ мужскіе и надѣваніе звѣриныхъ шкуръ, каково напр. переряживанье оленями и быками въ пору январскихъ календъ, порицаемое Оксеррскимъ соборомъ (**), свадебные обряды, которые Мартинъ Брагацскій прямо называетъ свадебными спектаклями, погребальные обряды, пиры и игры и наконецъ обломки прежней римской трагедіи и комедіи нравовъ, пропавшей съ колонизаціей въ отдаленнѣйшіе края современнаго историческаго міра, піесы Лентула и Гостилія, противъ которыхъ возстаютъ Тертуліанъ въ своей *Апологетикѣ*, тра-

(*) Аполлинарій Сидоній, С. Ешевскаго. М. 1855, стр. 79.

(**) Dictionnaire des mystères 1654 г. Canons des saints conciles p. 18.

гедім и комедіи, изображающія, по его словамъ, разнузданныя страсти и преступленія, пронаведенія кровавыя, сладострастныя и безбожныя (Трактатъ о зрѣлищахъ гл. 18), наконецъ широкое развитіе царствъ и боевъ гладиаторовъ, — таково было разнообразіе родовъ зрѣлищъ и видоизмѣненій драматическаго начала въ угасавшей древней жизни въ ту пору, когда ее застаеъ христіанская проповѣдь.

Начала братства, всеобъемлющей любви къ человѣчеству, идея лишеній и суроваго воздержанія во имя смиренія плоти, полное пересозданіе семейной и общественной жизни, требовавшееся новою религіей, не могло найти сразу большаго числа искреннихъ адептовъ; толпа, жаждавшая, бывало, лишь хлѣба и зрѣлищъ, не могла внезапно и вполне отрѣшиться отъ своихъ коренныхъ наклонностей, старыя начала невольно пробивались сквозь новую оболочку, и разростающуюся съ каждымъ днемъ христіанскую общину постигло неизбежное для каждаго новообращеннаго народа двоеніе. Съ первыхъ вѣковъ христіанства объ руку съ нѣвѣстіями о страданіяхъ мучениковъ появляются обличенія и протесты отцовъ церкви противъ страсти къ языческимъ зрѣлищамъ, противъ явнаго сокращенія многихъ обрядовъ прежней религіи, противъ введенія чуждаго, народно-бытоваго начала въ новыя, простыя и строгіе обычаи. Тихія *жралеы любви*, первобытныя христіанскія агапы, принимаютъ постепенно характеръ разгульныхъ, вакхическихъ пиршествъ, допуская введеніе игръ и интермедій; уже Лаодимейскій соборъ воспрещаетъ участвовать въ нихъ духовенству, а дальнѣйшія соборныя постановленія не позволяютъ болѣе учрежденія агапъ во внутренности церквей. А. Жюльиаль (*) не безъ основанія считаетъ поодѣльшій видъ агапъ, на которомъ въ веселой трансаѣ сходились и ду-

(*) *Mystères inédits. 1832* Préface. VII.

ховные и мирные, первообразомъ празднествъ дураковъ, празднша осла (Fête de l'âne) и множества подобныхъ двойныхъ обрядовъ, образовавшихся въ послѣдствіи на Западѣ. Іоаннъ Златоустъ возстаетъ противъ безразличныхъ жръ, цѣльно сохранившихся въ его пастырь. Бродячіе гитріоны, за постепеннымъ паденіемъ правильнаго театра, получаютъ еще большее значеніе въ народной жизни, и творенія отцовъ и правила первыхъ соборовъ не находятъ достаточно сильныхъ жръ для противодѣйствія имъ; отлученіе отъ церкви, лишеніе причастія грозило имъ; вступая въ христіанскую общину, они должны были вполнѣ и безусловно отречься отъ своей профессіи; духовныя лица, случайно ставшія въ сопряженіи съ ними, подвергались тяжкимъ наказаніямъ. Но привязанность народа не легко было сломать, и сморошество, переживъ введеніе новой вѣры, нашло даже собѣ христіанскаго патрона въ Святомъ Генезіи, который, какъ глаголютъ его житіе, пародировавъ на сценѣ христіанскій обрядъ прещенія, чудесно увѣровалъ въ него и впоследствии пострадалъ за приверженность къ христіанству (*). Постепенно усиливавшееся сближеніе съ разнообразными племенами варваровъ и впоследствии насильственно навязанныя или Риму новыя начала семейной и народной жизни, дали новую пищу народно-драматическому элементу. Бытовые празднества и обряды непочатыхъ народовъ должны были неминуемо поддерживать и развивать тѣ же явленія и въ одряхлѣвшей римской жизни. Быть можетъ, съ нашествіемъ варваровъ пришли на юго-Востокъ Европы, тѣ коренные представители сморошества, тѣ всамагі или всамагаторес, о которыхъ говоритъ Іорнандъ и другіе древнѣшіе лѣтописцы (**), особый, угасшій впослед-

(*) Hase, Das geistliche Schauspiel. 1858 p. 4.

(**) Шафарикъ. Славянск. Древности изд. 1837. Т. I. кн. II стр. 244—46.

стии царь, бродячий посетитель и хранитель народных пѣсенныхъ началъ, подобный вымирающему на нашихъ глазахъ загадочному племени цыганскому.

Драматическій элементъ, къ которому такъ лежало сердце Римлянина, находившаго его въ обильныхъ размѣрахъ и въ своей религіи, въ ея мистеріяхъ и торжественныхъ процессіяхъ, былъ столь силенъ, что его не могла равнодушно обойти зарождавшаяся христіанская обрядность. Для народа, привыкшаго къ чувственному представленію отпеченныхъ началъ, къ изображенію важнѣйшихъ, основныхъ событій его мифологіи или исторіи совершающимися на его глазахъ, нужно было противопоставлять подобнаго рода зрѣлищамъ кныи и въ первобытно — простыхъ и наглядныхъ образахъ уяснять народу догматы христіанства или олицетворять важнѣйшія событія евангельскія. — Этому началу обязана своимъ драматизмомъ первоначальная католическая литургія, развивавшаяся и постепенно обогащаемая разнообразными обрядами и сценами, сначала нѣмыми, группами маріонетокъ, процессіями, а впоследствии все шире и шире разрастающимися до разговорныхъ сценъ и духовныхъ пѣсъ. Такимъ образомъ въ самомъ зародышѣ новой обрядности кроется начало многовъзпой христіанской драматургіи; стремленіе изъяснить, наглядно растолковать новымъ адептамъ начала вѣры, всюду выражалось одинакимъ способомъ и впоследствии увлекло духовную драму до сближенія съ народнымъ говоромъ, до превращенія ея въ духовно-народную, воспріятія свѣтскаго начала и окончательнаго паденія передъ торжествующимъ творчествомъ самаго народа.

Самая месса, говоря словами Газе (*) «была со времечъ Григорія Великаго почти сплошь драматическимъ изображеніемъ

(*) Das geistl. Schausp. S. 11.